

Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису?

И.А. Сафранчук, к.пол.н.
доцент МГИМО-Университета
член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП)

© БОЛЬШАЯ ИГРА: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии
№ 03(42), 2015 (ISSN 2409-3955)

В последние годы политический транзит преподносился как чрезвычайно важный этап в истории Афганистана. Предполагалось, что по итогам президентских выборов 2014 г. в Афганистане установится новая, законная и дееспособная власть, которая будет достаточно политически сильна и технически способна к реформам. Большинство доноров Афганистана собираются снижать поддержку этой стране именно в расчете на появление такого правительства – достаточно сильного и дееспособного, чтобы пережить сокращение поддержки.

В том виде, в каком задумывался, политический транзит точно не состоялся. По результатам выборов, разразился мощный кризис, он был урегулирован на условиях, которые оставляют возможность для споров и различных трактовок; противоречия в обществе обострились. Напомним, что кризис удалось урегулировать за счет того, что А. Гани и А. Абдулла подписали 21 сентября 2014 г. Политическое соглашение. Только после этого НИК в тот же день, 21 сентября, подвел итог выборов – А. Гани был объявлен президентом и 29 сентября официально вступил в должность. Оставим сейчас в стороне детали того, как именно был урегули-

рован кризис, отметим главное. По итогам урегулирования кризиса, А. Гани и А. Абдулла продолжили придерживаться кардинально разных трактовок того, на каком основании А. Гани стал президентом. А. Гани считает, что основа его власти правовая, он объявлен президентом решением НИК (Политическое соглашение, в таком случае, не является основанием для решения НИК, оно лишь обеспечило мирное согласие соперника на такое решение). А. Абдулла считает, что А. Гани стал президентом на основе Политического соглашения. И в рамках этой точки зрения, А. Гани стал президентом, потому что он договорился об этом с А. Абдулой в Политическом соглашении. Решение же НИК является в этом случае производной от этих договоренностей и без них было бы невозможно, т.к. выборы не выявили победителя. Не будем повторять все аргументы в пользу одной и другой позиции, лишь констатируем, что разногласия по поводу основ (правовые или политические) президентства А. Гани остаются. Они отодвинуты на второй план, однако при новом кризисе могут выйти – на первый, поскольку, в конечном счете, сводятся к ключевому вопросу – остается ли А. Гани президентом в случае

прекращения действия Политического соглашения от 21 сентября 2014 г.?

Можно считать, что политический транзит продлен до 2016 г., когда должна собраться Лоя Джирга для внесения изменений в Конституцию Афганистана. Очень важными этапами этого продленного политического транзита станут парламентские выборы 2015 г. и переговоры с талибами. И парламентские выборы, и переговоры с талибами могут способствовать политическому транзиту, а могут и наоборот – разрушить его.

Много вопросов остается и по поводу политики США в Афганистане. Не вполне понятны не только будущие действия США относительно масштабов и сроков пребывания в стране американского военного контингента, но и совсем недавние – в том числе, и в период урегулирования выборного кризиса. Факт – США играли очень активную роль в его урегулировании. Но для многих участников афганских событий так и остались непонятными их цели и намерения в этом процессе. Американцы испугались быстрого перехода к новому витку гражданской войны и, ради того чтобы не допустить этого (по крайней мере, прямо тогда), способствовали формированию коалиции, заставив избранного президента А. Гани поделить властью со своим соперником? Или американцы не хотели видеть А. Гани сильным и успешным президентом и, чтобы сдержать его, втиснули его в коалицию со сторонниками А. Абдуллы? Если расширить эти вопросы, то они становятся такими – политический транзит был на грани полного провала и американские дипломаты его – хоть в каком-то, пусть и ущербном виде – спасали? Или – политический транзит уже не столь важен, и все идет по какому-то другому сценарию?

События 2015 г. подтверждают актуальность этих вопросов. Еще до президентских выборов считалось, что двумя главными приоритетами нового президента будут – экономический транзит и переговоры с талибами. А. Гани многим своим сторонникам – и внутри Афганистана, и иностранным друзьям –

представлялся как идеальная фигура для решения этих задач. Особенно подчеркивали его опыт в экономической области, от него ожидали решительных и масштабных экономических реформ. Но именно в экономической области А. Гани пока мало что сделал. Надо признать, что А. Абдулла, как глава исполнительного комитета, тоже несет ответственность за экономическую сферу. Отсутствие серьезных шагов в экономической области можно объяснить тем, что А. Гани и А. Абдулла гораздо дольше, чем планировалось, формировали правительство. Вместо одного месяца, это заняло у них фактически полгода (и, даже по состоянию на июль 2015 г., министр обороны до сих пор не назначен). Правда, при формировании правительства больше споров разгорелось вокруг фигур силовых министров, чем экономического блока. Можно согласиться с тем, что само формирование правительства стало сложным политическим процессом, который отвлекал время и силы, что должно было мешать решительным экономическим реформам.

Но вместе с тем надо признать, что в вопросе переговоров с талибами А. Гани взял инициативу в свои руки и резко активизировал усилия в этом направлении. Несмотря на неоконченный процесс формирования правительства, а также вопросы со стороны ряда афганских политиков по поводу переговоров, А. Гани решительно их проводил. В первой половине 2015 г. из двух приоритетов – экономические реформы и переговоры с талибами – А. Гани явно уделял главное внимание переговорам.

Как стало понятно к середине 2015 г., А. Гани ведет переговоры во многом по своему усмотрению. Высший совет мира, который в 2010 г. был сформирован специально для переговоров и национального примирения, в настоящее время отодвинут от процесса переговоров с талибами. А. Абдулла, второе лицо в государстве, тоже не в курсе всех деталей переговоров с талибами. Можно говорить о том, что президент А. Гани взял процесс переговоров с талибами полностью в

свои руки и в основном именно на нем сосредоточил свои усилия в течение 2015 г. Такая сконцентрированность А. Гани на переговорах вызывает некоторые вопросы.

До президентских выборов предполагалось, что переговоры с талибами будут вестись по итогам политического транзита, то есть с позиций абсолютно законной и дееспособной официальной афганской власти. Считалось, что в этом случае у официальных властей будет превосходство над талибами в вопросе легитимности – т.е. законные власти должны были вести переговоры с повстанцами. И для того, чтобы это было именно так, было важно вести переговоры после политического транзита.

Однако политический транзит в 2014 г. не был завершен. Фактически, он продлен до 2016 г., когда должна собраться Лоя Джирга и утвердить изменения в конституцию. Конечно, нельзя прервать переговоры с талибами на два года – просто для того, чтобы получить необходимое время для окончания политического транзита. В этих условиях переговоры с талибами становятся очень непростой задачей: их надо согласовать с продолжающимся политическим транзитом.

Действия А. Гани в 2015 г. выглядят таким образом, что он прекрасно понимает проблему ведения переговоров с талибами в условиях неоконченного политического транзита, но старается использовать это по-своему.

Пока просматривается такая ситуация: А. Гани активизирует переговоры с талибами, но политический транзит фактически застопорился. Нет даже ясности в вопросе о том, будут ли осенью 2015 г. проведены парламентские выборы, как это предусмотрено конституцией, поскольку полномочия нынешнего состава афганского парламента истекают в октябре 2015 г. Комиссия по подготовке изменений в конституцию тоже работает не очень активно.

Таким образом, вместо того, чтобы договариваться с талибами с позиций окончательного политического транзита, А. Гани делает

выбор в пользу того, чтобы договариваться с ними в процессе политического транзита. И даже может оказаться, что эти договоренности – вместо политического транзита.

Летом 2014 г., по итогам второго тура президентских выборов, Афганистан погрузился в глубокий внутривнутриполитический кризис, который, как считали многие политики в самом Афганистане и международные наблюдатели, поставил страну на грань гражданской войны. И в этих условиях казалось, что разрешить кризис надо любой ценой. В результате для разрешения кризиса пришлось выйти за правовые рамки и заключить Политическое соглашение 21 сентября 2014 г. Тем самым политический транзит вышел из юридической процедуры и перешел в политическую плоскость. Но вместе с тем тогда обе стороны, его подписавшие – и А. Гани и А. Абдулла, – а также международные посредники, имели общее понимание того, что политический транзит надо вернуть в юридические рамки. И именно поэтому Соглашение 21 сентября предусматривало проведение Лоя Джирги и внесение изменений в конституцию: достигнутые договоренности, политические по своей сути, должны были быть оформлены как часть правовой системы. Таким образом, предполагалось, что политический транзит должен вернуться в правовые рамки.

Однако то, что происходит в 2015 г., уводит политический транзит совсем в другом направлении. Создается впечатление, что А. Гани не спешит возвращать политический транзит в правовые рамки, а ведет его все дальше в политическую плоскость – в направлении переговоров с талибами. В этом случае успешные переговоры с талибами могут стать для А. Гани возможностью отказаться от Соглашения 21 сентября 2014 г. или существенно его изменить.

Если предположить, что А. Гани сможет заключить серьезное соглашение в ближайший год с руководством талибов, то это станет масштабным событием, которое тоже может быть вынесено на обсуждение Лоя

Джирги. И тогда Лоя Джирга 2016 г. будет обсуждать не согласованные изменения в конституцию, которые вытекают из Политического соглашения 21 сентября 2014 г. между А. Гани и А. Абдуллой, а совсем другие – предложенные талибами в рамках их договоренностей с А. Гани. Что тогда будет с самим Политическим соглашением? Продолжит ли оно действовать даже без изменений в конституции? Или А. Гани от него откажется в одностороннем порядке? И если А. Гани откажется от него в одностороннем порядке, то будет ли он после этого признаваться президентом командой А. Абдуллы? Ведь А. Абдулла и его сторонники считают, что А. Гани стал президентом именно на основании Политического соглашения.

Переговоры и договоренности с талибами должны быть процессом национального примирения. Они не должны вести к новому кризису и новым разделительным линиям в обществе. Поэтому важно, чтобы эти переговоры не подрывали основ той системы власти, которая уже существует. В противном случае, часть политических сил современного Афганистана оказывается не заинтересованной в договоренностях с талибами. Если А. Гани затеет игру по выбору для себя партнера (талибы или команда А. Абдуллы), то это может привести к новому серьезному кризису. И это уже будет не кризис по поводу дележа власти (пусть острый, но все-таки политический), как это было в 2014 г. На этот раз Афганистану может грозить кризис государственности как таковой.